

– подборка двадцать вторая –

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 22

Published and Copyrighted © 2012

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию 22-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, в ближайшее время — буквально.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

12 адара 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедаљи, 5708 года (17.09.47 г.)²⁰⁶

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

Открытки с «пидьонойс»

Муж мой сильно страдал. Его окружало множество людей, относившихся к нему со всем уважением и любовью, на какие только они были способны. Но, несмотря на это, у мужа уже не оставалось сил. К тому же у него возникло своего рода чувство стыда за собственную «слабость». Настоящее по-прежнему оставалось тяжелым и беспросветным, а надежд на будущее он не питал... И в этом заключался основной драматизм ситуации, несмотря на то, что мой муж, будучи человеком Б-гобоязненным, принимал все происходящее с ним с любовью и как должное.

Когда в Чиили оказалось большое количество евреев, имя мужа было у многих на устах: человек упоминал о нем в разговоре, потом то же самое делал его собеседник, беседа с другим человеком, и так далее. Спустя какое-то время к нему стали приходить евреи не только из Чиили. Появлялись в нашем доме женщины (в том числе совсем юные девушки), жившие в колхозах за пять-восемь километров от нас, - порой им приходилось идти пешком под палящим солнцем. Они шли к моему мужу просить совета, получить утешение или для того, чтобы он помог им укрепить те или иные

²⁰⁶ Дата написания записок, указанная самой ребецн.

стороны их еврейской жизни... Сердца всех приходящих к нам были переполнены страданиями и горестями.

Большинство среди евреев Чиили составляли ссыльные, главным образом из Бессарабии, а также беженцы из разных мест. Истории ссыльных практически не отличались друг от друга: когда в Бессарабию вошла Красная армия²⁰⁷, их сочли «буржуями» и целыми семьями отправили в среднеазиатскую глушь. По дороге происходила дополнительная «сортировка»: часть глав семейств (в первую очередь те, кто был богат или занимал видное положение) оказывалась в тюрьме, а их женам и детям разрешали ехать дальше. Многие в итоге попали в Чиили и в соседние кишлаки.

По приезду они практически сразу слышали имя моего мужа, очень популярное среди здешних евреев. И несчастные женщины немедленно отправлялись к нему, сперва парами, а потом и более многочисленными группами. Влияние, которое он на них оказывал, невозможно описать словами. Приходя подавленными и разбитыми, уходили они исполненными мужества и силы!

Переехав в Алма-Ату, несмотря на строжайшую цензуру, мы часто получали от этих женщин открытки — с «*пидьонойс*»²⁰⁸, вопросами и т. п.

Многое я могла бы написать о том времени, когда мы жили в Чиили, но что-то мне это тяжело... Светлых моментов там было мало, да и проходили они слишком быстро, подобно случайным прохожим. Хотя какая-то надежда тогда еще у нас оставалась, да и сил у мужа было побольше.

Переезд в Алма-Ату в духовном смысле, конечно, стал для него большим облегчением. Он опять возглавил еврейскую общину, получив возможность говорить с людьми так, как считал нужным. Община заботилась о наших потребностях, предоставив все необходимое — вплоть до мелочей.

Но, увы, в это же время обострилась его болезнь. Физически муж был крайне слаб, и, как он ни старался крепиться, это сказывалось на его духовном состоянии. Только я понимала это. Остальные, конечно, видели, что с ним что-то не так, но причин не понимали.

Мой муж не хотел, чтобы посторонние люди узнали, что он не в состоянии делать некоторые элементарные вещи. Я все делала сама: нанять сиделку мы не могли, так как о том, чтобы ее найти, пришлось бы просить кого-то из приходящих к нам в дом, а этого мужу не хотелось делать.

²⁰⁷ См. 10-й выпуск «Воспоминаний».

²⁰⁸ "Искушение [души]" — специальная записка, которую хасиды передают ребе. В ней обычно содержится просьба походатайствовать перед Творцом, чтобы Он проявил милосердие к просителю и его семье.

В конце концов уход за ним превратился в тяжкий труд даже для тех, кто не сталкивался с ним каждый день. Что уж говорить о близких людях!..

Он продолжал писать почти до самого конца!

Перед праздником Швуэс мы сняли очень хорошую квартиру — две большие комнаты, терраса и сад, где было много деревьев и прекрасный воздух. Заплатили за квартиру на полтора года вперед. Одна из комнат была обставлена мебелью, так что у мужа появился стол, чтобы писать, и место для книг, которые к тому времени у него уже немного скопились. За этим столом он работал целыми днями почти до самого конца — за две недели до того, как душа его покинула наш мир, он еще писал!

Как-то раз я заглянула в записи мужа — думала, что он, возможно, пишет завещание. Нет, это были труды по каббале, настолько глубокие, что я ничего не смогла в них понять. Надо сказать, его язык и другие атрибуты текста были такими же, как прежде, разве что почерк стал менее разборчив...

Работу муж обычно начинал с того, что выкуривал папиросу (их было очень трудно найти, но для него отыскивали самые лучшие и в любых количествах). Покурив, он глубоко задумывался и начинал писать.

Все записи мужа я оставила в Москве. Надеюсь, их там еще не сожгли²⁰⁹ ...

За пару часов — четыре кровати

Так как мужу в то время было уже трудно ходить, люди стали приходить к нам.

Нашими соседями по дому были супруги из Ленинграда, считавшие себя очень интеллигентными людьми, хотя глава семьи признался мне, что в свои 52 года не знает ни единого еврейского слова. По словам этого человека, такие евреи, как его новый сосед²¹⁰, не занимали в его жизни ни малейшего места. Однако после того как он провел несколько вечеров, сидя на террасе и беседуя с мужем, сосед начал приходить с работы пораньше, чтобы иметь возможность снова и снова побеседовать с ним. Это общение очень заинтересовало его.

²⁰⁹ См. сноску 9 во 2-м выпуске «Воспоминаний».

²¹⁰ То есть рабби Леви-Ицхок.

Их беседы, естественно, в основном вращались вокруг светских тем, но, несмотря на это, муж вкладывал в них много сил. Иногда посреди разговора ему становилось плохо, и он звал меня, чтобы я помогла ему вернуться в дом. Мы приглашали зайти и соседа, но он не мог — или не хотел — находиться в нашей квартире.

Нас навещали друзья — как старые знакомые, так и люди, которых мы видели впервые. Все они в равной мере приносили в наш дом тепло и преданность, помогая легче переносить несчастья. Во всяком случае, от одиночества муж совершенно не страдал!..

По Субботам, когда у большинства был выходной, к нам приходило больше людей, чем в остальные дни, — молодые и старые, мужчины и женщины... Они выражали нам глубокую и искреннюю преданность, мы ее ощущали. Более того, я помню это ощущение по сей день.

Нас старались обеспечить всем, в чем мы нуждались. Доставали лучшие, самые дорогие продукты — включая такие, которые даже в Москве были доступны только избранным! Раньше казалось, что это может помочь мужу в лечении его болезни, теперь же, когда прогнозы стали неутешительными²¹¹, деликатесы приносили просто для того, чтобы хоть чуть-чуть улучшить его состояние.

Профессор, который пришел, чтобы повторно осмотреть мужа, сказал, что больному нужно больше времени лежать на террасе, на свежем воздухе. Для этого нужна была кровать — большой дефицит по тем временам, до такой степени, что у семей из шести-семи человек, даже достаточно богатых, было только две-три кровати. Тем не менее, в тот же день, буквально за пару часов, нам во двор принесли четыре кровати! Я даже не могу себе представить, где их достали, купить их точно было негде. И каждый из принесших предлагал опробовать именно его кровать — вдруг на ней муж будет чувствовать себя лучше всего...

Только представьте, как эти кровати несли по улице! Никакого транспорта, чтобы их перевезти, не было, так что несколько мужчин брались за эту нелегкую ношу и тащили ее по городу на плечах!

...Уезжая, я осчастливила этими кроватями несколько семей, где были больные люди, которым до того приходилось спать едва ли не на сырой земле.

²¹¹ Имеется в виду визит к р. Леви-Ицхоку профессора Чилиятникова (см. предыдущий выпуск «Воспоминаний»), который, осмотрев больного, пришел к выводу, что положение его безнадежно.